«Авторитаризм России не навязан сверху»

Остался ли у России шанс на путь к демократии и западным ценностям? Почему Европа так неумно повела себя в момент, когда наша страна готова была их разделить? Об этом диалог почетного председателя Совета по внешней и оборонной политике профессора **Сергея Караганова** и главного редактора «Д» **Виктора Лошака**.

о сути, этот диалог с деканом факультета мировой политики и мировой экономики Высшей школы экономики Сергеем Карагановым мы начали еще в конце прошлого года, когда на конференции «Потсдамских встреч» в Берлине он заявил, что Европа в 1990-х упустила уникальный шанс на объединение с Россией. Это был момент готовности и желания большей части российской элиты и населения «вернуться в Европу», стать частью Запада. Запад же повел себя так, что довольно скоро и власть, и люди разочаровались. Теперь же тот порыв выглядит просто смешно.

Я мог бы добавить, что хронологически это настроение включает, конечно, и начало 2000-х, когда наш молодой президент задал западным партнерам риторический вопрос о том, почему бы и России не стать частью НАТО. Хорошо помню, как Путин рассказывал на встрече с главными редакторами, как, дождавшись момента, когда они остались за обеденным столом вдвоем, только-только уступивший ему пост Борис Ельцин спросил: «Вы это серьезно?»

— Итак, Сергей Александрович, что вы имели в виду, когда говорили о ситуации 1990-х?

— Тут, видимо, два больших пласта. Элита хотела вернуться в Европу, а для населения Европа была привлекательна чистотой, хорошими магазинами, нормальным питанием. Всем хотелось выйти из конфронтации. Казалось, до всего этого можно было дотянуться рукой. Те, кто рванул на Запад в 1990-х, неожиданно столкнулись с ограничениями. В России не знали Европы, в которую хотели вернуться, не понимали вектора ее развития. Ни сия — другая страна. Да, с европейской культурой, но в с Запада на Восток. На фото: во время выступления на Дальневосточном форуме целом социально и политически наследница империи Чингисхана. Но и тогда, замечу, была возможность расширить и закрепить демократические элементы жизни. Только демократию нужно было вводить не сверху, а снизу, начав с муниципалитетов. Собственно, об этом же писал Солженицын, но на него ополчились интеллигенты: хотели всего и сразу.

Второе. Когда мы рванули к Европе, мы, конечно же, хотели стать частью ее политической и военной системы. Недальновидность и жадность — я не могу и не хочу искать другую формулировку причин того, что западные коллеги это стремление отвергли. Это была трагическая ошибка для всех, особенно для Европы. но выглядели бы они по-другому. У Европы появился

пало коренное изменение соотношения сил в мире. Была почти неизбежной дальнейшая потеря Западом военного превосходства фундамента с XVI века его гегемонии в политической, экономической и культурной сферах. У Европы была фантастическая возможность укрепить свою безопасность и мировые позиции. Если бы Россия стала, как она стремилась, су-

добивает его военное превосходство.

— Хотел бы вас поправить: заявление Путина о возможности России стать членом НАТО — это начало 2000-х. Так что хронологические рамки расширяются...

— На мой взгляд, путинское предложение — это уже был просто жест отчаяния или попытка осложнить расширение блока. Попытка сыграть в противоход настроениям и тогдашнего российского общества, и Запада.

— А сами-то вы почему так поздно все поняли? Как-то удивительно все совпало с прозрением и самой нашей

— Это не так. Совет по внешней и оборонной политике (СВОП) сражался против расширения НАТО, как мог. Мы с 1995–1997 годов публично предупреждали, что все это кончится Украиной и войной. А я еще лет 15 назад был европоцентристом, пока не разобрался, куда идет мир — к Азии. И, соответственно, куда идти нашей стране.

Когда в середине 1990-х годов я осознал, что Запад стать его частью, я просто испугался. Подумал, что это

у нас, ни у европейцев не было понимания того, что Рос-

не просто отказ, а что нас решили добивать. Оказалось, что это была просто глупость, забвение истории. В 1999 году наступила точка перелома — бомбардировка Югославии. Эти бомбы убили авторитет политического западничества в России, оставили западников в критическом меньшинстве. Русский медведь начал переходить

— А если на минуту представить, что Запад нам не отказал. Россия — член ЕС и НАТО...

— У Европы остались бы свои внутренние проблемы, Там не увидели надвигающегося будущего — уже насту- бы мощнейший союзник. Думаю, что не было бы та-

У Европы была

фантастическая

возможность укрепить

свою безопасность

и мировые позиции

ких проблем на Ближнем Востоке, с мигрантами. Не знаю, появилось ли бы в России сразу больше демократии. Нам нужно было выживать и развиваться. А демократия, вопреки расхожему мнению, не является источником развития. Когда Европа быстро развивалась, она развивалась на основе унаследованного от феодализма закона. Закон — да, это условие развития.

веренной, но частью Запада, он бы сохранил военное Мы, к сожалению, этого не поняли, проскочили какойпревосходство, на качество укрепилась бы европей- то важный этап. Особенно болезненно не работают заская безопасность. Теперь Россия в военно-политиче- коны, защищающие собственность. Мы имеем моральском отношении — важнейшая часть не-Запада. И этим но нелегитимную крупную собственность, которую государство будто «дало подержать» предпринимателям. Защищена мелочь: квартиры, автомобили, дачи. Наверное, ситуация была бы лучше, если бы мы стали частью европейского правового пространства.

- Подождите, значит, в России, вы считаете, демократия и невозможна, и бесполезна?

— Весь мир идет к большей демократии. И мы нелинейно идем к демократии, конечно, незападного типа. Весьма вероятно, что лет через 20 у нас ее будет больше, чем в некоторых западных странах. Хотя на еще более лальнюю перспективу не уверен, что мы станем «большой Голландией», о которой мечтал Петр І. Да и я тоже в юности. Но даже сейчас, во времена консервативного отката, Путин очень чутко прислушивается к мнению населения. Для него это важно. Мы сейчас переживаем время реакции, но откройте «ящик Пандоры» — и вы увидите, что народ наш — антизападник. Авторитаризм России не навязан сверху. Он результат нашей отверг фантастически выгодное ему желание России истории, сформировавшей наш генетический код. Без централизации власти нельзя было освоить и обеспе-

чить безопасность такой гигантской страны с географически не защищенными границами. Когда эта власть ослабевала — в начале XVII века — были смута, развал и интервенция поляков. То же самое — развал, гражданская война, интервенция — последовало после демократической революции февраля 1917 года. А потом ся. Знаете, почему немцам еще тяжело приспосабливатьпришли большевики и ужас ГУЛАГа. До сих пор считаю, что страна чудом не погибла после революции 1991 года и последовавшего развала.

 Когда СВОП, которым вы руководили, а я был активным членом, праздновал свое десятилетие в 2002-м, группа соавторов писала в его программном документе: «Интересам государства отвечала бы экономика западноевропейского типа, эффективная демократия, тесное союзничество и сотрудничество с Западом». Эту идею, на ваш взгляд, можно считать исчерпанной?

что можно и нужно. С XVII века по начало XXI века, за долгий «петровский период», мы взяли технологии, во- тому что Россия этого потребовала. Такая история. Неенную организацию, создали великолепную высокую авторитарных лидеров Россия сносила с трона. Повтокультуру — сплав своей собственной и европейской. рюсь: постоянные интервенции и собственный захват

И то, что Россия стала великой державой, тоже следствие похода на Запад. Но уже к началу нынешнего тысячелетия мы почти что вычерпали все, что можно и нужно было взять у Европы, учитывая общий ЧТО МОЖЕТ УЧИТЬ ДРУГИХ, настроения. уровень нашего развития, особенности национального характера, главное в котором стремление к сохранению независимости и суверенитета. Еще, как я говорил, можно заимствовать элементы самоуправления, муниципальной лемократии, экологическое законода-

но, поскольку освоить это мы не можем. Россия генетически авторитарная держава. Если спокойно признаем реальность, то сможем использовать ее как свое конкурентное преимущество. Все подталкивает нас сейчас к дальнейшему движению к Востоку. В том числе тот факт, что Европа в стагнации и серьезном кризисе, что снижает ее дееспособность, да и привлекательность.

— Я не согласен с вами в главном. Мне кажется, и западные ценности, и ценность жизни и судьбы конкретного человека, и нежелание слепо подчиняться власти — все это вполне может разделяться большинст-

вом из живущих в России. Вот студенты вашего популярного факультета, а их тут почти 3 тыс., — они ведь с удовольствием ездят на Запад, стажируются там, а некоторые и работают после окончания ВШЭ.

 Они разные. Они ездят, и мы это поощряем. Но в большинстве своем по сравнению с нами или нашими детьми, скажем, 1980–1990-х годов они националистичнее, но одновременно космополитичнее. Они космополиты в культуре, в деловых отношениях.

Авы в сегодняшних реалиях не боитесь самого этого термина «космополит»?

— Действительно, иногда, когда я пишу или говорю об этом, раздается некий визг. Так люди освоили историю и сталинский поход против врагов-космополитов, на самом деле в основном евреев. Но космополитизм — это всего лишь открытость миру. Скажите, разве наши великие национальные и националистические писатели, скажем, Достоевский или Толстой, не были открыты миру и космополитичны? А Пушкин?..

— В прогнозе СВОПа, о котором я уже говорил, мы предвидели, что Германия долгие годы в связи с объединением будет зациклена на себе. Как вам этот прогноз видится из сегодняшнего дня?

— Он, к сожалению, сбылся. Но благодаря гению Гельмута Коля Германия погрузила себя в Европейский союз. И, естественно, стала его лидером. И теперь, когда он вошел в многомерный кризис, ФРГ ищет и для себя, и для ЕС новые пути. Она рано или поздно снова двинется на Восток. Но уже не только и не столько к России, а к тому, что мы называем Большой Евразией. Но это очень сложный процесс. Прежде всего потому, что в социальном и нравственном смысле Германия значительно дальше большинства европейских стран зашла в терпимости, открытости, антиклерикализме, пацифизме. Ей трудно возвращаться в реальный мир. В 2014 году Ангела Меркель сказала, что Владимир Путин живет в ином мире. А на мой взгляд, именно Путин живет в мире настоящего. Мире национализма, открытой и жесткой, в том числе военно-политической, конкуренции... В мире идет мощное перераспределение влияния. Германия мечется к миру? Они отказались от фашизма, прошли тяжелый путь самоограничений и самосовершенствования. создали в конце концов одно их самых эффективных и гуманных государств. Они решили, что победили, что могут учить других, что ветер навсегда в их парусах. А ветер очень часто меняет направление.

— Боюсь, вы бы разделили мысль о том, что прозападный романтизм — это чисто русская болезнь. С ударением на слове «болезнь».

-Такие, как вы или я раньше, не хотят или не хотели ве-— Думаю, что пока да. Мы уже получили на Западе все, 🛮 рить в менталитет большинства живущих в России. Поймите, условный Путин стал авторитарным лидером, по-

> земель выковали определенный менталитет. В нем яростное стремление к самостоятельности и суверенитету. Такие, как мы с вами, всегда недооценивали глубинные

> Когда говоришь: «Россия — наследница империи Чингисхана» это вызывает жуткое раздражение у интеллигенции. Но что делать, мы такие. К тому же в мире жесткой конкуренции у авторитарных государств, способных лучше концентрировать ресурсы и прово-

тельство. Все остальное у нас либо есть, либо недоступ- дить последовательную долгосрочную политику, преимущество над современными демократиями. Но и авторитаризм, понятно, не панацея. Он часто ведет к стагнации, а то и к провалу. России нужно еще лет 15 мирного развития. В результате мы станем более гуманными и более демократическими. А наши европейские соседи — неизбежно более авторитарными. Иначе им не выжить в наступившем мире. И мы снова встретимся. Но ждать полтора десятилетия нельзя. Отказ от объединения в 1990-е годы привел к ослаблению и России, и Европы. Ошибку, пусть и трагическую, можно и нужно исправлять широким сотрудничеством.

История и истории

Посол Германии Рюдигер фон Фрич представил московской публике книгу о своей резиденции — известном особняке на Поварской.

ом на Поварской» — так называется небольшая книга-альтября в российском издательском доме «Музыка — Юргенсон — Гамма-Пресс», который в нынешнем году отметит свое 100-летие. Хотя издание это выглядит скромно, оно никак не уступает по значимости самым «именитым» книгам, подготовленным известным издатель-СКИМ ДОМОМ.

Прежде всего это иллюстрированный рассказ об одном из великолепных особняков в самом центре старой Москвы, история которого начинается еще до переворота 1917 года и продолжается по сей день. Внешний вид и интерьеры делают резиденцию немецкого посла еще и уникальным памятником московской архитектуры. Безусловно, одним из наиболее интересных на прилегающей к Арбату Поварской улице. Возведенный в 1910 году архитектором А. Н. Зелингсоном по заказу купца Я. М. Шлосберга дом разностилен, сочетая черты модерна и эклектики. Во внутреннем убранстве выбран стиль флорентийского палаццо. Об этом в книге — профессиональные историки архитектуры.

В задачу книги не входило описание почти полувекового периода, включавшего небом, вышедшая в начале сен- долгую жизнь семьи первого хозяина дома, вынужденного покинуть его вскоре после того, как дом был построен, и выехать с семьей за границу, и последующих десятилетий, когда после национализации особняк занимали британская миссия и комиссия по лендлизу. Все это происходило вплоть до середины 1950-х, когда после визита в Советский Союз канцлера Федеративной Республики Германия Конрада Аденауэра были установлены дипломатические отношения между двумя странами. Вновь открытое посольство Западной Германии разместилось на Большой Грузинской улице, 17, а особняк на Поварской, 46 (в то время улице Воровского) стал резиденцией посла (1956 год). С этого момента начинается наиболее интересная часть истории этого дома. Именно этому периоду, охватывающему более 60 лет, посвящена книга.

Открыл вечер посол Германии Рюдигер фон Фрич, для которого особняк на Поварской является в буквальном смысле домом, где живут он и его жена. Супруги Фрич и выступили инициаторами издания. В своем вступительном слове господин фон Фрич

рассказал о важнейшей роли, которую играет здание резиденции посла как место встречи представителей российской и германской политической элит, деятелей науки, культуры.

Ностальгическую и веселую краску в этот вечер внес один из патриархов немецкой дипломатии доктор Андреас Майер-Ландрут. Он впервые попал на дипломатическую работу в Москву в 1957 году, а позднее дважды занимал пост посла Федеративной Республики Германия в Советском Союзе. Его воспоминания о работе дипломатической миссии Германии в разные периоды и встречах в рези-

Периоду, охватывающему более 60 последних лет, посвящена эта книга

денции невольно навели на мысль, что книга о доме на Поварской могла быть написана и как острый детектив, и как исторические хроники. Это была бы книга о том, что происходило в этом здании, что называется, «за закрытыми шторами». Здесь порой обсуждались и решались вопросы не только советско-(российско)-германских отношений, но и большой мировой политики. И вместе с тем это был дом, в котором его обитатели жили, как живут в домах обычные люди: ели, пили, спали. Доктор Майер-Ландрут, кстати, автор лихо написанной книги воспоминаний «С Богом и кальсонами», подытоживающей его 40-летнее пребывание в России, как умелый рассказчик, очень тонко сопоставил два бытовых эпизода из истории «Дома на Поварской».

Германия решила,

что победила,

что ветер навсегда

в ее парусах.

Но ветер очень часто

меняет направление

В известные периоды советской жизни. когда в стране остро стояла проблема обеспечения продуктами питания, так или иначе это касалось и дипломатических миссий, в том числе снабжения резиденции посла Германии. В подвальном, техническом этаже дома размещались вместительные холодильники, обычно (во избежание перебоев) до отказа забитые присылаемой из недалекой Финляндии едой. В один из вечеров перед гостями дома выступала цыганская музыкальная группа, которой было предложено использовать подвальные помещения для переодевания. Концерт прошел с большим успехом, но когда артисты поднялись с технического этажа наверх и стали прошаться, служащие посольства обратили внимание, что сухопарые цыгане выглядят неестественно полными. Оказалось, что перед уходом они набили свои одежды провиантом, обнаруженным ими в холодильниках дома.

В разное время немецкие послы по-разному чувствовали себя в этой обители. Доктор Майер-Ландрут вспомнил, что одному из его предшественников на посту посла Германии в Москве было не просто неуютно в доме, но его постоянно не покидал страх за свою жизнь. Несомненно, ему не давал покоя факт убийства посла Германии в Москве Вильгельма фон Мирбаха, которое произошло за несколько десятилетий до его каденции в 1918 году. Этот страх проявлялся в том, что он категорически отказывался проводить ночь не только в спальне, но и в любой комнате, имевшей окна. Поэтому он ютился на небольшом диване в гостиной около камина.

Так, вечер дополнил ненаписанную, но от этого не менее важную сторону жизни особняка и его обитателей.

Украшением вечера стала игра юных российских музыкантов — стипендиатов Фонда Владимира Спивакова, блистательно исполнявших немецкую и русскую музыку.

Особая роль в организации и успешном проведении вечера принадлежит многолетней сотруднице посольства Германии в Москве Марине Изюмской, ставшей также одним из составителей книги.

На вечере выступавшие, так или иначе вспоминая историю дома на Поварской, говорили о том, что, как бы ни была сложна сегодня обстановка в мире и отношения между Россией и Германией, память, которую хранят стены дома и его сегодняшние хозяева, вечера и разного рода акции, которые здесь регулярно проводятся, продолжают замечательную традицию дружбы и культурного обмена между двумя странами.

МАРК ЕЛЕНИН